

РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫМИ ПРИХОДАМИ В БССР В 1960-е – 1980-е гг.

С.В. Мандрик

БГАТУ, Минск

А.О. Горанский

Институт теологии БГУ, Минск

Одним из направлений антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. было разрушение церковного управления и в первую очередь структуры и нормальной жизни церковных приходов. 13 января 1960 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах», в котором фактически шла речь о переходе под контроль государственных органов всей деятельности церковных приходов [1]. В связи с этим в ноябре 1960 г. новый председатель СДРПЦ В. Куроедов и председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин направили в ЦК КПСС меморандум с предложением рекомендовать Патриархии внести изменения в статьи раздела IV «Положения об управлении РПЦ» 1945 г. с тем, чтобы оно было приведено в соответствие с советским законодательством о культурах 1929 г. [2] 16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», подписанное Н. Хрущевым (продублировано 19 апреля Советом Министров БССР [3]), в котором указывалось на необходимость «восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культурах» [4]. В этот же день СДРПЦ совместно с Советом по делам религиозных культов принял «Инструкцию по применению законодательства о культурах», разработанную специальной комиссией ЦК КПСС, которая в ст. 4 повторяла положение постановления 1929 г., по которому исполкомы местных органов власти имели право отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии религиозного общества с уточнением, что такого права не имеют служители культа и религиозные центры. Пункт в ст. 11. запрещал «религиозным центрам» (епархиальным управлениям и Патриархии) пользоваться находящимися в их распоряжении средствами и имуществом для помощи церквам и монастырям [5].

Под жёстким давлением власти 18 апреля 1961 г. Священный Синод РПЦ принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», которое сразу же вошло в церковную жизнь как обязательный документ [6]. 18 июля 1961 г. Архиерейский Собор РПЦ снова под давлением со стороны государства утвердил постановление Синода от 18 апреля и внес соответствующее изменение в «Положение об управлении РПЦ» 1945 г. Архиереи, которые могли выступить с возражениями против изменения приходского управления, на Собор не были приглашены, а те, что все-таки явились – не допущены на его заседания.

Изменения по тексту пункта IV «Приходы» «Положения...» предполагали, что для управления приходом организуется два органа: церковно-приходское собрание (собрание членов-учредителей) и церковный совет – исполнительный орган в составе трех человек старосты, помощника старосты и казначея, избираемых из прихожан (пункт в). Церковный совет управляет финансово-хозяйственной жизнью прихода: осуществляет финансовые операции, содержание священнослужителей, обеспечивает храм и богослужения в нем всем необходимым. За сохранность церковного здания и имущества церковный совет несет ответственность перед гражданскими властями (пункт д). Настоятель прихода и другие священники совершают богослужения, таинства и требы и руководят духовно-нравственной жизнью прихожан, за что ответственны перед Богом и своим епархиальным архиереем (пункт и–к). Исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужения (пункт л). Из пункта 30 раздела III «Епархии» было исключено поло-

жение о том, что архиерей наблюдает за правильностью финансовой стороны деятельности прихода [7].

На практике эти изменения вылились в полномасштабную реформу приходского управления, которая, по сути проводилась и контролировалась государством, хотя соответствие требований государства к церковной власти и право контроля над их выполнением юридически не обоснованы. Под давлением и контролем государства духовенство было отстранено от руководства приходами. Священнослужители должны были наниматься общиной только для «исполнения религиозных потребностей» по договору, который исполнительный орган заключал в каждом отдельном случае и мог расторгнуть в одностороннем порядке в любое время. Заседания приходского собрания, избравшего приходской совет, созывались каждый раз с разрешения местного исполкома без согласования со священником. Священнослужители на приходские собрания не допускались и в деятельности приходского совета не участвовали [8]. Фактически руководителями приходской жизни становились председатели церковных советов, или старосты, как правило, подобранные местными органами власти из людей часто совершенно неверующих. Власть епархиального архиерея над приходами была минимизирована до такой степени, что к архиерею приходская община теперь могла обращаться лишь по вопросам исключительно богослужебного характера, а после снятия с регистрации настоятеля приход становился подведомственным только государственным органам.

Неблагоприятные последствия изменения приходского управления очень скоро проявились в церковной жизни Белоруссии. Новый порядок приходского управления дал возможность государственным органам учитывать и контролировать все финансовые средства приходских общин, источники их поступления и статьи расходования, что позволяло работникам партийных и государственных органов использовать эту информацию в целях уменьшения поступления средств в церковные общины [9]. При этом необходимо также учитывать, что приходы оплачивали получаемую от государства электроэнергию по чрезвычайно высокому тарифу: если государственные организации и предприятия платили за киловатт электроэнергии по ценам после денежной реформы 1961 г. 4 копейки, то приходы – 24 [10]. При таких материальных условиях исполнительные органы отдельных приходов отказывались от «найма» священников, как это было, например, в Залеской церкви Сморгонского района Гродненской области, в Слонимской церкви и других. В одном из районов Гродненской области в 5 из 9 действующих церквей общины отказались от священников. После ухода священника и прекращения богослужений в храме церковь обычно закрывали, а религиозное общество снимали с регистрации «как распавшееся и прекратившее свою деятельность» [11].

В качестве продолжения реформы приходского управления с целью снижения заинтересованности духовенства в совершении большого количества богослужений и треб в 1962 г. Советом по делам РПЦ было принято решение перевести священников на твердые оклады [12]. После того как весной 1962 г. все православное духовенство в БССР было переведено на твердые оклады, начался процесс снятия с регистрации тех священников, которые получали плату непосредственно от верующих, совершая церковные требы без ведома исполнительных органов приходов. Например, священник в деревне Дубина Молодечненского района Минской области в феврале 1963 г. был снят с регистрации, так как «лично брал с верующих плату за религиозные обряды, минуя церковный исполнительный орган, потому что не имел возможности прожить с семьей на получаемое из церкви жалование в сумме 45 рублей в месяц» [13]. Несмотря на перевод духовенства на твердые оклады, его доходы по-прежнему облагались налогом в соответствии со ст. 18 Указа Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» то есть как «доходы от частного предпринимательства». Ставка такого обложения составляла 81% от месячного дохода священнослужителя. Только указом «О ставках подоходного налога для служителей религиозных культов и других лиц, участвующих в совершении религиозных обрядов» от 21 ноября 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР перекалфицировал доход духовенства в соответствии со ст. 19 упомянутого указа

за («личные доходы»), по которой ставка подоходного налога составляла 69% [14]. Поставленные вследствие жесткой налоговой политики в тяжелое экономическое положение, при твердых окладах, высоких налогах и запрете совершать требы вне своего храма или получать поддержку от епархиального управления, некоторые священники вынуждены были либо переходить на другой «более сильный» приход, либо уходить на пенсию или на гражданскую службу, поскольку приходские советы часто не могли обеспечить им даже минимальной оплаты труда (30–50 рублей в месяц) [15]. Вакантные места на таких приходах никто из священников занимать не хотел, богослужения в церкви не совершались, и религиозное общество снималось с регистрации как прекратившее свою деятельность. Такая политика имела долговременные последствия, поскольку, когда в 1970-е гг. массовое закрытие церквей прекратилось, в результате продолжающейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекращали свое существование из-за малочисленности прихожан, которые не могли содержать священника и храм. Так, например, приход в городском поселке Большая Берестовица Гродненской области 2 декабря 1967 г. был снят с регистрации как прекративший свою деятельность, поскольку церковь не действовала с 1963 г., когда ее настоятель ушел на пенсию, а назначенный на этот приход новый священник, отказался занять это место из-за низкого дохода в приходе [16].

Таким образом, с одной стороны, осуществлялся подрыв кадровой основы существования церковной структуры, приведший к острой нехватке кадров священников в БССР в середине 1960-х – середине 1970-х гг., когда в некоторых местах священники обслуживали по два три прихода, а с другой – духовенство ставилось в такое положение, что вынуждено было подчиняться любым, даже абсолютно необоснованным и незаконным требованиям уполномоченных СДРПЦ и местных должностных лиц.

Проведенная реформа сказалась также на богослужебной и проповеднической деятельности духовенства. Уполномоченный СДРПЦ по Гродненской области в отчете писал, что священники с 1961 г. мало обращаются с проповедями к верующим, поскольку, «проведенная перестройка в управлении церковью подорвала авторитет священника, а также есть опасения с их стороны, что пришедшие в церковные советы лица могут неправильно истолковать их проповеди» [17]. Опасения духовенства не были беспочвенными: в феврале – марте 1961 г. по заданию обкомов КПБ в районах республики специально набирались и инструктировались люди, которые присутствовали на богослужениях с целью прослушивания проповедей священников и выявления в них антисоветского содержания. Например, прозвучавшее в проповеди высказывание настоятеля церкви в деревне Слобода Мядельского района о том, что в Римской империи было много язычников, не веривших в Бога, и потому империя была разрушена до основания, райком партии расценил как политическую пропаганду против советского общественного и государственного строя. В связи с этим райком обратился в обком, с предложением поручить уполномоченному СДРПЦ принять к священнику меры вплоть до лишения его права совершать богослужение [18]. В 1961 г. за проповедническую деятельность только по Минской области было снято с регистрации 4 священника и 9 строго предупреждены [19]. В итоге большинство священников совсем перестали выступать перед верующими с проповедями.

Созданная и приведенная в исполнение во время инициированной Н. Хрущевым антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х гг. система целенаправленного и широкомасштабного ограничения деятельности духовенства и верующих имела долгосрочный и комплексный характер и поставила под всесторонний и скрупулезный контроль со стороны партийных и государственных органов каждый аспект деятельности приходов и священнослужителей. Антицерковная направленность этой системы была лишь несколько завуалирована после отставки Н. Хрущева, в основных же своих элементах и положениях она продолжала действовать вплоть до 1980-х гг. Так, в августе 1970 г. в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС из Совета по делам религий (СДР) было направлена справка «Об итогах перестройки церковного управления и работе по усиле-

нию контроля за деятельностью религиозных объединений», в которой отмечалось: что «перестройка церковного управления служит интересам советского государства», и давалась самая высокая оценка этой перестройке, поскольку: «она оказалась самым крупным, наиболее эффективным, полезным для государства мероприятием. Совершенно очевидно, что только на основе реформы удалось поставить церковь в рамки закона, взять ее в руки, организовать действенный контроль за деятельностью духовенства». Отстранение духовенства от управления финансово-хозяйственной деятельностью приходских общин позволило осуществить мероприятия, которые на определенном этапе подорвали материальную базу деятельности приходов и привели к прекращению существования многих из них, а также, что самое главное, к отрыву духовенства от верующих и падению авторитета священников в глазах прихожан. Реформа приходского управления привела к закрытию под разными предлогами большого количества храмов. Только за период 1960-64 гг. в республике было закрыто – 508 храмов, (их количество уменьшилось с 947 в 1960 г. до 439 в 1964, что составляет 46% от количества действующих церквей на начало 1960 г.). Численность духовенства сократилось в 1961 – 1964 гг. на 204 человека (с 649 человек в 1961 г. до 445 – в 1964 г.) [20]. Всего же за период с 1960 г. до прекращения закрытия храмов в середине 1970-х гг. в БССР было снято с регистрации 748 приходов [21], что в пропорциональном отношении больше, чем в других республиках СССР. Некоторые храмы после закрытия, «чтобы не возбуждать религиозных чувств верующих» сносились или разрушались. Это порой происходило даже несмотря на то, что многие церковные здания являлись памятниками истории и архитектуры. Например, в 1961 г. по личному поручению председателя Витебского горисполкома была взорвана Благовещенская церковь – один из древнейших храмов на территории Беларуси, уникальный памятник архитектуры XII в.

Неканоничная и дискриминационная система приходского управления была изменена только в 1988 г., когда на посвященном празднованию 1000-летия Крещения Руси Поместном Соборе был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», в котором духовенству возвращались прежние права в управлении приходами. Согласно новому «Уставу...» клирики включались в состав приходского собрания, а председательство в приходском собрании предоставлялось настоятелю прихода (Раздел VIII «Приход», ст. 9–11, 24–25) [22].

Список использованных источников

1. Чумаченко, Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Т. А. Чумаченко, – М.: Аиро ХХ, 1999. – С. 371.
2. Там же. – С. 50.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 30. – Л. 41.
4. Поспеловский, Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. / Д. В. Поспеловский, – М.: Республика, 1995. – С. 220.
5. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 812. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 9–17 об.
6. О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни: Постановление Священного Синода Московской Патриархии, 18 апр. 1961 г. // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). – 1961. – № 8. – С. 6.
7. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18 июля 1961 г. // ЖМП. – 1961. – № 8. – С. 15–17.
8. Шкаровский, Н. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / Н. В. Шкаровский. – М., 1999. – С. 379.
9. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 30. – Л. 17.
10. Поспеловский, Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. / Д. В. Поспеловский, – М.: Республика, 1995. – С. 357.
11. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 32. – Л. 6–63.

12. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 31. – Л. 2–4.
13. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 61. – Л. 243.
14. ГАМО. – Ф. 812. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 55–56.
15. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 56. – Л. 48.
16. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 17а, 18, 20–26.
17. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 53. – Л. 115.
18. ГАМО. – Ф. 3196. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 49.
19. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 32. – Л. 179–180.
20. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 72. – Л. 42.
21. НАРБ. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 33.

22. Устав об управлении Русской Православной Церкви, 1988 г. // Русская православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 т. / сост. Г. Штрикер. – М., 1995. – Т. 2. – С. 235–241.